

А. М. Ранчин

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

(Россия, Москва)

aranchin@mail.ru

ПОЭТИКА НАРРАЦИИ В «МОСКВЕ — ПЕТУШКАХ» ВЕНЕДИКТА ЕРОФЕЕВА: РЕАЛЬНОЕ И ВООБРАЖАЕМОЕ

Существуют различные интерпретации путешествия Веничка из Москвы в Петушки. Поскольку герой-нарратор оказывается в финале произведения в Москве, причем в некоем подъезде, и именно из московского подъезда началось его трагическое странствие, высказывались предположения: 1) он вообще не ехал в электричке в Петушки, всё, что описано в основной части текста, между завязкой и развязкой, – в том плане «Москвы – Петушков», который маркируется как реальный, – не существует, это фантазмагория, порожденная воображением пьяного героя (см., например: [Курицын 1992; Яблоков 2001: 105]); 2) путешествие было действительным, но Веничка не доехал до обетованных Петушков, в Орехове-Зуеве пересев по ошибке в обратный поезд (см., например, точку зрения Ю.И. Левина, впрочем, осторожно допускающего возможность первой интерпретации [Левин 1996: 75]).

Второе толкование представляется предпочтительным. Во-первых, именно в Орехове-Зуеве Веничка был вытолкнут толпой на перрон. Во-вторых, опять сев (вернувшись, как он считает) в поезд, герой обнаруживает меню левого и правого в пространстве (на перегоне, который, как он думает, Покров – 113-й километр, Веничка замечает огни Покрова справа, а не слева и догадывается, что едет не из Москвы в Петушки, а обратно). Правда, попытка выяснить истину ему не удастся: Веничка пытается определить, в какую сторону движется поезд, по тому, на каких (левых или правых) дверях тамбура находится замеченная им прежде матерная надпись: *Я онемел и заметался по всему вагону, благо в нем уже не было ни души. «Постой, Веничка, не торопись. Глупое сердце, не бейся. Может, просто ты немного перепутал: может, Покров был все-таки слева, а не справа? Ты выйди, выйди опять в тамбур, посмотри получше, с какой стороны по ходу поезда на стекле написано «...»». Однако эта попытка оказывается тщетной: *Я выскочил в тамбур и посмотрел направо: на запотевшем стекле отчетливо и красиво было написано «...». Я поглядел налево: там так же красиво было написано «...». Боже! Я схватился за голову и вернулся в вагон, и снова онемел и заметался...* [Ерофеев 2001: 104]. Умозаключение Венички абсурдно: если он пересел в обратную электричку, в ней просто не должно или может не быть такой надписи. Однако надпись обнаруживается. Но, используемая героем как знак-индекс для определения направления, оказывается продублирована еще одной такой же с другой стороны. Купирование непристойного слова (видимо, из трех букв) выглядит не как дань цензуре нравов (в других случаях в тексте обценная лексика не купируется), а как указание, что знак утратил свою знаковую функцию: в тексте это знак знака, утратившего не только означаемое, но и*

означающее, то есть свою семиотичность, ставшего знаком пустоты. В мире, где оказывается Веничка после Орехова-Зуева, словно исчезает различие не только левого и правого, но и правдоподобного и неправдоподобного, прошлого и настоящего, реального и мифологического (ср. появление таких персонажей, как Сфинкс, княгиня, называющая почему-то героя «Александр Михайлович», его камердинер Петр, обращающийся к нему «бабуленька», Эринии, Суламифь, понтийский царь Митридат). Если до Орехова-Зуева и встречи со Сфинксом признаки неправдоподобия в окружающем героя мире были спорадическими и не очень явными, то теперь они обрушиваются на Веничку потоком, а он сам как бы развоплощается. Венцом утраты осмысленности как семиотической распознаваемости мира оказываются названия третьей от конца и предпоследней глав «Петушки. Садовое кольцо» и «Петушки. Кремль. Памятник Минину и Пожарскому», указывающие на конечную точку путешествия, но именующие ее с помощью знака, отсылающего к двум взаимоисключающим референтам: Петушки и Москва не могут быть одним и тем же локусом. Название заключительной главы «Москва – Петушки. Неизвестный подъезд» акцентирует утрату героем пути наиболее ярко. При этом «правильное» видение реальности у нарратора восстанавливается еще в предпоследней главе (выясняется: это Москва), однако увиденный им Кремль как признак московского локуса в поэме обладает полуфиктивным статусом: *Все говорят: Кремль, Кремль. Ото всех я слышал про него, а сам ни разу не видел. Сколько раз уже (тысячу раз), напившись или с похмелью, проходил по Москве с севера на юг, с запада на восток, из конца в конец, насквозь и как попало – и ни разу не видел Кремля* [Ерофеев 2001: 17]. Москва финала, в которой находит себя герой, – своеобразный антимир. История Венички устремляется к трагической развязке.

Литература

Ерофеев В.В. Москва – Петушки. С комментариями Э. Власова. М.: Вагриус, 2001.

Курицын В. Мы поедем с тобою на «А» и на «Ю»: «Москва – Петушки» Венедикта Ерофеева // Новое литературное обозрение. 1992. № 1. С. 206–304.

Левин Ю. Комментарий к поэме «Москва – Петушки» Венедикта Ерофеева. Graz: Мартис, 1996. (Materialien zur Russischen Kultur. Bd. 2).

Яблоков Е.А. От вокзала до вокзала, или Московская одиссея Венички Ерофеева // Литературный текст: проблемы и методы исследования. 7. Анализ одного произведения: «Москва – Петушки» Вен. Ерофеева (Сборник научных трудов). Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001. С. 100–106.